

А. С. ПУШКИН И Г. К. УАЙТ: НОВОНАЙДЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...» И «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»*

В библиотеке Пушкина сохранилось много книг парижского издательства Галиньяни, выпускавшего книги на английском языке. Среди них особенно знаменита так называемая книга четырех поэтов — «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson, and Barry Cornwall: Complete in One Volume» (Paris: A. and W. Galignani, 1829), — содержащая произведения второстепенных английских романтиков. В Болдинскую осень 1830 года Пушкин неоднократно обращался к этому сборнику, и он тесно связан с рядом пушкинских замыслов и произведений.¹ Опираясь на «The City of the Plague» Джона Вильсона, Пушкин пишет «Пир во время чумы» — переводит с некоторыми изменениями четвертую сцену первого акта. Знакомство с произведениями Барри Корнуола отражается в «Домике в Коломне» и нескольких других стихотворениях.² Отмечалось возможное влияние мильмановской трагедии «Фацио» на «Скупого рыцаря»³ и стихотворения Уильяма Боулза «The Gypsy's Tent» на стихотворение «Цыганы».⁴

Кроме этого знаменитого тома, в библиотеке сохранились однотомники Джорджа Крабба⁵ (БП 835), Томаса Мура (БП 1189), Роберта Саути (БП 1399) и два сборника, схожих по оформлению и структуре с «книгой четырех поэтов»: сочинения Кольбриджа, Шелли и Китса (БП 762) и том, включающий

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 17-18-01701 «База данных по сопоставительной поэтике и сравнительному литературоведению (на материале русской рецепции романских лингвостиховых форм)».

Автор выражает сердечную благодарность А. С. Бодровой, Н. В. Перцову, И. А. Пильщиковой и В. С. Полиловой, прочитавшим статью в рукописи, высказавшим ценные замечания и сообщившим мне важные библиографические и текстологические сведения. Находка, ставшая центром этой работы, не была бы сделана без поддержки и направляющих советов И. А. Пильщикова.

¹ Подробный обзор со списком переключек, установленных или подозреваемых пушкинистами, дан в книге А. А. Долинина (*Долинин А.* Пушкин и Англия: Цикл статей. М., 2007. С. 15–21).

² См.: *Яковлев Н. В.* «Последний литературный собеседник Пушкина»: (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917. Вып. 28. С. 5–28; *Кулагина О. Л.* Пушкин и Барри Корнуолл: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990; *Рак В. Д.* Корнуолл // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18/19. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 174–175.

³ *Чебышев А. А.* Заметка о «Скупом рыцаре» Пушкина // Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902. С. 492–501.

⁴ *Яковлев Н. В.* К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») // Пушкин и его современники. Пг., 1923. Вып. 36. С. 63–70.

⁵ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 215 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; вып. IX–X). Здесь и далее ссылки на номера книг из библиотеки Пушкина по каталогу Модзалевского приводятся в тексте сокращенно: БП, с указанием номера.

произведения пяти мало известных сегодня английских авторов: «The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White.⁶ Complete in One Volume» (Paris: A. and W. Galignani, 1829; БП 1321; помет в книге нет, раздел о Генри Керке Уайте разрезан полностью).⁷

«Книга пяти поэтов» парижского издательства пригодились Пушкину куда меньше, чем сборник с произведениями Вильсона, Корнуолла, Мильмана и Боулза. До сих пор, насколько мне известно, в пушкиноведческой литературе обсуждались лишь два имени из числа авторов издания — Чарльз Лэм и Томас Кэмпбелл, — и то в сюжетах, никак не связанных с томом Галиньяни. Лэм упоминается как автор переложения Шекспира для детей, которым, возможно, пользовался Пушкин, работая над «Анджело». ⁸ Стихотворение

⁶ В книгу вошли произведения Сэмюэля Роджерса (1763–1855), Томаса Кэмпбелла (1777–1844), Джеймса Монтомгери (1771–1854), Чарльза Лэма (1775–1834) и Генри Керка Уайта (1785–1806).

⁷ В. Д. Рак указывает, что среди названных книг нет неразрезанных (*Рак В. Д.* Английская литература // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 18). Все перечисленные тома были напечатаны в Париже в 1829 году. Они оформлены в едином стиле и являются частью коллекции современной английской поэзии («...the Works of the most celebrated Poets of modern times», говорилось в рекламной вклейке издательства Галиньяни, см.: <https://bit.ly/219WZwI>; дата обращения: 25.04.2021), включавшей 15 томов ин-октаво (см. также указание на серию: *Bibliographie de la France, ou Journal général de l'imprimerie et de la librairie. 1829. 28 novembre. № 48. P. 806*). В выпусках «Bibliographie de la France» за 1829 год тома из пушкинской библиотеки появляются в следующем порядке: том Саути в выпуске за 31 января, Мура — 4 апреля, Крабба — 16 мая, Роджерса и других — 12 сентября, Мильмана и других — 31 октября, и, наконец, том произведений Кольриджа, Шелли и Китса — в выпуске за 28 ноября. Пока не удалось установить, стали ли английские книги из коллекции Галиньяни доступны Пушкину одновременно. Предполагалось, что «книга четырех поэтов», вышедшая в Париже, судя по сообщению «Journal de l'imprimerie», позже, чем особо интересующий нас том «The Poetical Works of Rogers...», была куплена Пушкиным в начале 1830 года, когда «она появилась в английской книжной лавке в Петербурге» (*Довгий О. Л.* Книга четырех английских поэтов в культурной миссии Пушкина // А. С. Пушкин и книга. М., 2016. С. 77). «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» предположительно относит начало работы поэта с томом к марту–апрелю 1830 года, а его издание — к началу 1829-го (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 3. С. 176). В Болдине Пушкин «перечитывал Кольриджа» («<Заметка о холере>», <1831>), что дало почву предположению, что помимо «книги четырех поэтов» он взял с собой в Болдино и том «The Poetical Works of Coleridge, Shelley and Keats» (*Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 139). С. А. Фомичев пишет об этом уже не гипотетически, а как о факте (*Фомичев С. А.* [Вступительная статья] // А. С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1. С. 16). А. А. Долинин указывает, что эпиграф к неоконченной пушкинской статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», писавшейся в начале октября 1830 года в Болдине, мог быть знаком Пушкину по парижскому изданию произведений Саути: «...письмо Саути было полностью приведено в анонимном предисловии («Memoir of Robert Southey») к одноименному собранию его сочинений парижского издательства Галиньяни» (*Долинин А.* Пушкин и Англия. С. 19, прим. 16; ср.: *Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 151–152). В. Д. Рак, в свою очередь, называет том парижского издательства в качестве источника эпиграфа из Саути вполне утвердительно (*Рак В. Д.* Саути // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 303). С другой стороны, в письме П. А. Плетневу от 26 марта 1831 года Пушкин просил переслать ему издания Крабба и Саути, что заставило Н. В. Яковлева предполагать, что «до 1831 года Пушкин, по видимому, еще не имел собственного экземпляра сочинений Саути» (*Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 152). Ни одна из интересующих нас книг не фигурирует в списке поздних пушкинских книжных приобретений (*Модзалевский Б.* Библиотека А. С. Пушкина. С. XVIII–XIX). Исходя из всего сказанного выше, можно предполагать, что интересующая нас книга оказалась у Пушкина раньше осени 1830 года. Если Пушкин взял с собой в Болдино один или два сборника из английской коллекции Галиньяни, не исключена вероятность того, что он имел с собой и интересующую нас «книгу пяти поэтов». Эти биобиблиографические обстоятельства требуют дальнейших уточнений.

⁸ *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С. 58–59; коррективы см.: *Долинин А.* Пушкин и Англия. С. 139–140.

Кэмпбелла «Власть России» обсуждается в книге А. А. Долинина в связи с цензурной историей «Анчара»,⁹ но возможные отношения русского поэта с английским не становятся предметом рассмотрения.¹⁰ Имя же героя настоящей статьи — английского поэта Генри Керка Уайта (Henry Kirke White, 1785–1806, по-русски также встречаются написания Генри Кирке Уайт, Генри-Кирк Вайт) — лишь бегло упоминается в работах пушкинистов.¹¹

Генри Керк Уайт родился в 1785 году в Ноттингеме, в семье мясника. С раннего детства он страстно любил читать и начал писать стихи еще ребенком. В 1803 году, в 18-летнем возрасте, Уайт опубликовал в Лондоне небольшую, чуть больше чем в сотню страниц, книгу стихов («Clifton Grove: a Sketch in Verse, with Other Poems»). Публикация, холодно встреченная журнальной критикой, тем не менее привлекла внимание литературного сообщества, в частности Р. Саути, с которым Уайт вступил в переписку. В 1805 году при поддержке покровителей (семья не могла дать ему университетское образование) он приступил к учебе в Кембридже. Однако чрезмерное усердие подорвало и без того слабое здоровье Уайта, и он умер в 1806 году в возрасте 21 года.

Саути, покровительствовавший поэту при жизни, год спустя издал его сочинения («The Remains of Henry Kirke White, of Nottingham, late of St. Johns's College, Cambridge; with an Account of his Life, by Robert Southey» (London: Vernor, 1807. 2 vols.)). Книга имела успех и не раз переиздавалась, а в 1822 году «The Remains...» вышли расширенным трехтомным изданием.¹²

Лорд Байрон в 1809 году посвятил Уайту фрагмент поэмы «Английские барды и шотландские обозреватели» («Unhappy White! while life was in its spring...»), сопроводив его примечанием, в котором высоко оценил поэта.¹³ Уайт упоминался и в стихах своего покровителя и посмертного издателя Саути. В поэме «A Vision of Judgement» («Видение суда», 1821), в последней части главки «The Young Spirits»,¹⁴ он приводит список поэтов, умерших слишком рано (это Томас Чаттертон,¹⁵ Майкл Брюс, Томас Рассел, Джон Бампфилд и Генри Керк Уайт, причем Чаттертон открывает список, а Уайт

⁹ Там же. С. 80–82.

¹⁰ В книге имя англичанина последовательно пишется Cambell/Кембелл.

¹¹ Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 125–126; Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin // Arcadia: Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. 2000. Bd 35. Hf. 1. S. 60–61, Anm. 37; S. 65; Рак В. Д. Английская литература. С. 19.

¹² Biographie universelle classique, ou Dictionnaire historique portatif. Paris, 1829. Troisième partie. S–Z et supplément. P. 3330.

¹³ «Henry Kirke White died at Cambridge, in October 1806 <...> His poems abound in such beauties as must impress the reader with the liveliest regret that so short a period was allotted to (his. — А. Б.) talents...» (The Works of Lord Byron complete in one Volume. Frankfurt a/M, 1826. P. 766). Пер.: «Генри Керк Уайт умер в Кембридже в октябре 1806 года <...> Его стихи изобилуют такими красотою, что читателя должно поразить самое живое сожаление, что столь краткий срок был отведен его талантам...» (англ.). Здесь и далее перевод, за исключением особо оговоренных случаев, мой. — А. Б. Стихи Байрона и примечание к ним содержатся, например, в только что процитированном франкфуртском однотомном полном собрании сочинений Байрона 1826 года, подаренном Пушкину Адамом Мицкевичем (БП 627). Существовал и французский прозаический перевод Амедея Пишо, выполненный при участии Эзеба де Салля, не раз переиздававшийся.

¹⁴ The Poetical Works of Robert Southey: Complete in One Volume. Paris: A. and W. Galignani, 1829. P. 597.

¹⁵ Пушкин был знаком и с этой эманацией мифа о преждевременно ушедшем романтическом поэте (см.: Рак В. Д. Чаттертон // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 364). Во французской культуре этот миф воплотился в судьбах Николая Жильбера (1751–1780), Шарля Луи Мальфилатра (Malfilâtre, 1733–1767) и Андре Шенье (см.: Там же). В 1827 году, за три с половиной года до Болдинской осени, скоропостижно скончался Д. В. Веневитинов, как и Уайт, не дожив до 22 лет. Пушкин был на погребении Веневитинова в Симоновом монастыре. Я благодарю Н. В. Перцова за указание на эту параллель.

закрывает его). Свою поэму Саути предварил вступлением, где атаковал Байрона и назвал его поэзию «сатанинской». Байрон ответил на критику знаменитой сатирической поэмой в октавах «The Vision of Judgement» (1822). В строфе 98 поэмы Байрон цитирует выражение из очерка Саути о жизни Уайта («the ungentle craft» ‘грубое ремесло’,¹⁶ так Саути назвал занятия критика), причем он делает к соответствующей строке примечание: «См. „Жизнь Г. Керка Уайта“».¹⁷ Установлено, что к 1830 году Пушкин был осведомлен о журнальном и поэтическом споре между английскими романтиками вокруг «Видения суда» и байроновской одноименной сатиры.¹⁸

Имя Уайта попало и на страницы байроновской переписки. В книге французских переводов его корреспонденции, имевшейся в библиотеке Пушкина (БП 695), в нескольких местах упоминается и обсуждается Уайт,¹⁹ кроме того, в ней содержится примечание переводчика, указывающее на высокую оценку, данную Байроном Уайту («Lord Byron, dans sa satire, fait un brillant éloge des talents de ce jeune poète»²⁰). В книге «Conversations of Lord Byron»²¹ (БП 1149) Уайт тоже упоминался, причем во фрагменте, где речь шла о несправедливой журнальной критике.²²

В томе Галиньяни 1829 года, помимо поэтических произведений рано умершего поэта, был перепечатан очерк его жизни, написанный Саути для издания «The Remains of Henry Kirke White» 1807 года, и краткое предисловие к третьему тому расширенного издания 1822 года его же авторства. Книга также включала упомянутый выше фрагмент поэмы Байрона и авторское примечание к нему.

На протяжении нескольких десятилетий Уайт имел репутацию значительного романтического поэта,²³ причем его слава достигла и континента. Обсуждение поэзии английского страдальца можно найти в книге «Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Écosse»²⁴ Амедея Пишо (1825, речь о Уайте идет в письме LXVII), биографию и некоторые стихи — в «Living Poets

¹⁶ The Works of Lord Byron... P. 625.

¹⁷ Ibid. P. 769. Байрон имеет в виду, что Саути, прежде клеймивший литературных критиков, теперь сам взялся за их низкое занятие.

¹⁸ Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 151–152; см. также выше, прим. 8.

¹⁹ Correspondance de Lord Byron avec un ami, comprenant en outre les Lettres écrites à sa mère du Portugal, de l'Espagne, de la Turquie, et de la Grèce, dans les années 1809, 1810, et 1811, et des Souvenirs et Observations; le tout formant une Histoire de sa Vie, de 1808 à 1814, Ornée d'un portrait de Lord Byron, et d'une vue de Newstead-Abbey, domaine de sa famille: En 2 vol. / Par feu R. C. Dallas. Paris: A. et W. Galignani, 1825. P. 57, 188–189, 228.

²⁰ Ibid. P. 188. Пер.: «В своей сатире Лорд Байрон дает блестящую похвалу талантам этого молодого поэта» (фр.). Под сатирой имеется в виду поэма «English Bards and Scotch Reviewers», об этом см. выше.

²¹ Эта книга цитировалась в анонимной критической заметке, опубликованной в «Литературной газете» 26 апреля 1830 года, в которой упоминался и Саути (Литературная газета. 1830. Т. I. 26 апр. № 24. С. 193–194). В. В. Виноградов предполагал, что автором заметки был О. М. Сомов (Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 409–410; ср.: Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 150, — где авторство приписано Пушкину). Ю. А. Матвеева, однако, не включает ее в библиографию работ критика (Матвеева Ю. А. Орест Михайлович Сомов — литературный критик. Научная биография: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 444–447).

²² Medwin Th. Conversations of Lord Byron: noted during a residence with his lordship at Pisa in the years 1821 and 1822. London, 1824. P. 171–173.

²³ С коллекцией отзывов современников на поэзию Уайта можно ознакомиться в базе данных «Spenser and the Tradition: English Poetry 1579–1830» в разделе «Commentary»: <http://spenserians.cath.vt.edu/AuthorRecord.php?&method=GET&recordid=33400> (дата обращения: 25.04.2022).

²⁴ Там Уайт был назван «английским Андре Шенье» ([Pichot A.]. Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Écosse: Т. 1–3. Paris, 1825. Т. 2. P. 465).

of England: Specimens of the Living British Poets» (1827) того же автора.²⁵ Уайт попал в число английских поэтов, стихотворения которых были избраны для французской переводной антологии «Poésies anglaises», изданной в Париже в 1830 году.²⁶ Но самым ярким эпизодом рецепции Уайта во Франции следует признать переработку мифа о рано умершем талантливом поэте, осуществленную Ш. О. Сент-Бевом при создании ярчайшей литературной мистификации эпохи — книги «Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme» (1829).

История поэтического сборника, вызвавшего отклик Пушкина,²⁷ самым тесным образом связана с фигурой Уайта. Здесь Сент-Бев воспользовался успешной стратегией, опробованной за два десятилетия до того Робертом Саути: стихотворения его поэтического альтер-эго, Жозефа Делорма, были изданы «друзьями покойного автора», во всем следуя модели «The Remains of Kirke White». Том открывался очерком жизни несчастного поэта (с характерными мотивами: талант, чахотка, искренняя интонация отрывков из личных дневников и писем), затем следовали стихи, затем прозаические фрагменты. Печальная история юного гения, как и в случае с Уайтом, должна была привлечь внимание публики и обеспечить ее благосклонность. Многочисленные переключки между Делормом и Уайтом на уровне композиции издания, сконструированной биографии, а также поэтических мотивов давно и подробно проанализированы литературоведами.²⁸ Например, мотив чахоточной музыки, отмеченный Пушкиным в рецензии на Делорма, восходит к Уайту.²⁹

Сент-Бев оставил в тексте книги несколько ключей, указывающих на его литературную модель. В очерке жизни Жозефа Делорма Уайт упоминается дважды: в описании ночных бодрствований («Почти все страницы дневника помечены ночными часами, как „Молитвы“ доктора Джонсона и „Стихотворения“ несчастного Керка Уайта»)³⁰ и при перечислении романтических авторов, которых читал вымышленный поэт (наряду с Гете, Шатобрианом, Констаном, Нодье, Ламартином, Оссианом и др.).³¹ Одно из стихотворений первого сборника озаглавлено «Stances. Imité de Kirke White» (это предпоследнее поэтическое сочинение, размещенное в книге). Помимо Уайта, Делорм открыто подражает в своем первом сборнике только Шиллеру и Вордсворту — поэтам куда более знаменитым.

Как известно, Пушкин высоко оценил поэзию Сент-Бева. В письме к Е. М. Хитрово, написанном в конце мая 1830 года, той же весной, когда Пушкин обратился к чтению современных английских авторов (см. выше, прим. 7), он отмечал, что Гюго и Сент-Бев — «бесспорно единственные

²⁵ [Pichot A.]. Living Poets of England: Specimens of the Living British Poets: In 2 vol. Paris: A. et W. Galignani, 1927. Vol. 2. P. 530–538. Очевидно, в книгу вошли биографии не только «живущих» поэтов.

²⁶ Poésies anglaises: Beattie, Rogers, Campbell, Southey, Goldsmith, Gray, Montgomery, Wordsworth, Kirke White, Moss, Carter. Paris, 1830.

²⁷ Пушкин А. С. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme; Les Consolations, poesies par Sainte-Beuve // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. С. 195–201. Рецензия была опубликована в «Литературной газете» в 1831 году (Т. III. 5 июня. № 32).

²⁸ См.: Roth G. Kirke White et «Joseph Delorme» // Revue de Littérature Comparée. 1921. Т. 1. P. 586–598; Combe Th. G. S. Sainte-Beuve poète et les poètes anglais. Bordeaux, 1937; Evrard J. Le Joseph Delorme de Sainte-Beuve // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1952. № 3. P. 101–106.

²⁹ Roth G. Kirke White et «Joseph Delorme». P. 591–592; указано также в: Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin. P. 60–61, Anm. 37.

³⁰ Sainte-Beuve Ch. A. Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Poésies de Sainte-Beuve: En 2 vol. Paris, 1863. Vol. 1. P. 10–11.

³¹ Ibid. P. 17.

французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв». ³² Пушкин, по всей видимости, был знаком с двумя рецензиями на «Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme», опубликованными в «Le Globe» весной 1829 года. ³³ В первой из них Делорм прямо назван «émule» Уайта: «И вот новый источник, из которого черпали лишь некоторые английские поэты, разверзается и для нашей поэзии. Одним словом, если обольщение первого чтения нас не обмануло, перед нами не подражатель, а соперник (non pas un imitateur, mais un émule) Керка Уайта; никогда прежде, как нам кажется, мы не видели в стихах такого числа низких или простых (bas ou tombés en roture) слов, преобразенных в поэтические и благородные, как говорится, посредством одной лишь магии ритма». ³⁴ Упоминается Уайт и во второй рецензии, причем в одном ряду с Гете, Шиллером и Вордсвортом. ³⁵

Пушкинисты давно отметили множество переключек с Сент-Бевом в творчестве Пушкина начала тридцатых годов, в частности в сочинениях Болдинской осени. ³⁶ Было показано, что Сент-Бев влиял и на пушкинскую рецепцию английской литературы (самый знаменитый случай — посредничество при подражании сонету Вордсворта). В 2000 году Герда Ахингер назвала Уайта в ряду поэтов Озерной школы, которые могли заинтересовать Пушкина благодаря культурному посредству Сент-Бева. ³⁷ Проверка этой гипотезы позволяет ввести в круг вероятных пушкинских источников, по крайней мере, два уайтовских текста: начало поэмы «Детство» («Childhood»; в отношении наброска «В начале жизни школу помню я...») и стихотворение «Зимняя песня» («Winter song»; в отношении гимна Вальсингама).

«В начале жизни школу помню я...» и «Детство» Уайта

Незавершенный пушкинский отрывок в терцинах «В начале жизни школу помню я...» не раз называли «загадочным», «таинственным», интригую-

³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. Переписка, 1828–1831. С. 411 (оригинал по-французски: Там же. С. 93). В этом же письме Пушкин просил прислать ему при возможности второй сборник Делорма «Утешения», к октябрю 1830 года и он был прочитан поэтом (см.: Вольперт Л. И. Сент-Бёв // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19. С. 305).

³³ См.: Томашевский Б. Пушкин и французская литература // Лит. наследство. 1937. Т. 31/32. С. 15–16; Вольперт Л. И. Сент-Бёв. С. 305; Markowicz A. Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations // Revue des études slaves. 1987. Т. 59. Fasc. 1–2. P. 26–29. Автором рецензий был Шарль Маньин (Charles Magnin), см.: Sainte-Beuve Ch. A. Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme. P. 290.

³⁴ [Magnin Ch.]. Poésie: Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Le Globe: journal littéraire. 1829. Mercredi. 26 mars. Т. VII. № 24. P. 186. Ср. с идеями Пушкина о поэтическом языке и английской поэзии, высказанными в ряде текстов, начиная с чернового наброска «В зрелой словесности приходит время...», датированного концом 1828 года (см.: Pak B. D. Английская поэзия. С. 20–21).

³⁵ M<agnin> C. Poésie: Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Le Globe: journal littéraire. 1829. Samedi. 11 avril. Т. VII. № 29. P. 227.

³⁶ См.: Морозов П. О. Пушкин и Сент-Бев // Русский библиофил. 1915. Кн. 7. Ноябрь. С. 82–89; Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. С. 122–129; Markowicz A. Puškin et deux romantiques français — Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: problèmes de citations; Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin; Rodríguez Navas A. Reading Pushkin's Tales of Belkin through Sainte-Beuve's Vie, Poésies et Pensées de Joseph Delorme // Pushkin Review. 2008. № 11. P. 81–101; обзор и библиографию см.: Вольперт Л. И. Сент-Бёв. Имя Сент-Бева возникло в ходе работы над «Домиком в Коломне»: оно мелькнуло — вместе с именем Гюго — в одном из вариантов строки в строфе IX белого автографа с поправками (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 915. Л. 2).

³⁷ Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin. P. 65.

щим своей недосказанностью и незавершенностью.³⁸ Начатый, по всей видимости, после 26 октября 1830 года,³⁹ при жизни поэта он напечатан не был. В. А. Жуковский, публикуя его впервые в 1841 году, включил текст в число «Подражаний Данту», очевидно, усмотрев связь с дантовской темой в строфической форме отрывка.

Но «дантовский» ключ, подсказанный Жуковским, не дал ответов на многие вопросы. Стихотворение, написанное от первого лица, полное размытых квазибиографических отсылок, при этом лишенное «исторической и бытовой конкретности»,⁴⁰ вызвало самые разнообразные прочтения. Предметом рассмотрения и дискуссии становились его жанровая принадлежность (лирическое стихотворение? поэма? поэма какого рода?), строфическая форма (почему Пушкин обращается к терцинам?), антураж (о какой школе идет речь? о какой исторической эпохе?), лирический герой (это Пушкин? Данте? неназванный юный поэт?), упомянутые персонажи (кто такая «величавая жена» и окружающие ее дети?) и реалии (о каком саде и каких статуях идет речь?).⁴¹

Не надеясь поставить точку в этих дискуссиях, связанных с комплексным пониманием отрывка в его отношении к пушкинской биографии, Данте, религии, культуре Возрождения, аллегорической поэзии и т. д., мы хотим указать на вероятный источник пушкинского замысла и целого ряда образов — незавершенную поэму Уайта «Детство» (точнее, ее первую часть), напечатанную в томе издательства Галиньяни 1829 года.⁴² Обнаружение этого прототекста, как кажется, позволяет прояснить некоторые темные места пушкинского фрагмента.

«Детство» состоит из двух частей. Первая, напечатанная в две колонки, занимает всего полторы страницы галиньяновского тома. Метр — 5-стопный ямб, рифмовка смежная, текст разбит на стихотворные абзацы разной длины. Начинается поэма упорядоченно — серией из четырех десятистиший, составляющих вступление, но затем стройные «графические» строфы исчезают

³⁸ Морозов П. О. Примечания к стихотворениям 1830 года // Библиотека великих писателей под ред. проф. С. А. Венгерова: Пушкин: [В 6 т.]. СПб., 1911. Т. 5. С. LXI; Розанов М. Н. Пушкин и Данте // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 20; Вацуро В. Э. Пушкин и Данте // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 386; Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: проблемы интерпретации одного стихотворения Пушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 19; и мн. др.

³⁹ Болдинский календарь 1830 года / Сост. С. Б. Федотова // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авторы-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова. СПб., 2013. Т. 1. С. 73. Последний сохранившийся автограф, связанный с этим замыслом, — беловик с позднейшей правкой (ст. 1–42; ПД 142) — по последним предположениям пушкинистов, появился, вероятнее всего, «не ранее 1831 г., так как написан на почтовой бумаге, которая использовалась Пушкиным с начала января 1831 г. до 1836 г.» (Краснобородько Т. И., Федотова С. Б. Научное описание: Болдинские рукописи 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. С. 84). Один из черновых автографов «В начале жизни школу помню я...» (ПД 143) датируется «<После 26 октября — ноябрь (?) 1830> или <после 18 января — середина октября 1831>» (Краснобородько Т. И. Научное описание: Рукописи, предположительно датированные Болдинской осенью 1830 года // Пушкин А. С. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. С. 184). Настоящая статья, как кажется, говорит в пользу хронологической близости «В начале жизни школу помню я...» болдинским произведениям 1830 года.

⁴⁰ Муравьева О. С., Таборисская Е. М. «В начале жизни школу помню я...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д. С. 214.

⁴¹ См. обзоры и биографию: Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: проблемы интерпретации одного стихотворения Пушкина; Муравьева О. С., Таборисская Е. М. «В начале жизни школу помню я...»; Ланда К. С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов: К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб., 2020. С. 44–46.

⁴² Об этой поэме Уайта и об учительнице, воспетой в ней, пишет Саути на первой странице биографического очерка, перепечатанного в томе Галиньяни. Амедей Пишо упоминает поэму и образ учительницы в своих двух книгах об английской литературе (см. первый раздел статьи).

и уже без всякого порядка следуют восьмистишия и абзацы-строфоиды в 14, 16 и даже 18 строк.⁴³

Построфное содержание первой части поэмы таково⁴⁴ (курсивом выделены элементы, сближающиеся с пушкинским отрывком, цифры обозначают номер строфоиды).

Вступление: 1. Как сладко обращаться к детским воспоминаниям! Описание прежнего церковного двора. Картины деревенской природы. 2. Детство — «возлюбленный век невинности и улыбок». Его простые радости, уже утраченные, хочет воспеть поэт. 3. Излюбленное место уединения. Поэт снова тут, он вспоминает детские прогулки и испытывает умиление. 4. Поэт обращается к Памяти и просит помочь ему вспомнить детство во всех подробностях.

Основное содержание первой части поэмы: 5. *Описание сельской школы и учительницы*. 6. Поэт вспоминает, как началось его учение, столь трудное поначалу. *Учительница казалась мальчику суровой*. Часто она *корила* его, и он плакал. 7. Начало изучения азбуки. Мальчик проявил свои способности и быстро стал любимцем учительницы. Она нередко ласкала его, ставила в пример другим и предрекала будущие успехи. 8. Поэт восклицает: «О, думала ли почтенная дама о всех тех бедах, что несет с собой талант!» Знай она о них, она бы пожелала мальчику судьбы простого человека. 9. Лирическое отступление, посвященное детству. Детство, безмятежная пора, противопоставляется трудам и тревогам зрелости. 10. *Описание детских игр и забав, которым предавались дети после уроков*. 11. Поэт вспоминает, как учительница умиленно смотрела на детские игры, сидя за прялкой. Устав, *дети садились с ней рядом* и изумленно наблюдали за искусной работой. 12. Потом дети убегали к девушке, любившей и умевшей петь. *Они садились вокруг нее и слушали песни и страшные сказки*. Тогда они не знали, что жизнь страшнее сказок! 13. В такие моменты, сообщает поэт, в нем впервые просыпалась «романтическая мысль», поэзия очаровывала детский слух. Вскоре детские игры уже не привлекали мальчика, *он искал уединения на лоне природы*, читал старые романы (gothamse) и *парил на крыльях воображения*.

Отточие. Конец первой части⁴⁵

Уайтовский текст в общих чертах соответствует началу пушкинского отрывка, а точнее терциям 1–4, 7–8 и самому началу 9-й:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

⁴³ 4 абзаца по 10 строк, 1 из 14 строк, 1 из 11 строк, 2 по 8 строк, 1 из 18, 1 из 16, 1 из 14, 1 из 16, 1 из 14. 11-строчную «строфу» можно признать вариантом десятистишия с одной дополнительной строкой на рифму замыкающего двустигииа.

⁴⁴ Благодарю В. А. и М. Ослонов за помощь в работе с текстами Уайта.

⁴⁵ The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White... P. 1–2 (5-я пар.). «Детство» открывает собрание стихов Уайта, напечатанных в книге Галиньяни: поэма помещена сразу после очерка Саути. Далее тексты Уайта цитируются по этому изданию с указанием номера страницы. Во второй части поэмы, занимающей две с половиной страницы (р. 2–4), Уайт многословно обращается уже к воспоминаниям средней школы (public school), вводя и тему первой дружбы. Фрагментарный характер произведения здесь еще очевиднее: в первой части на незавершенность указывало финальное отточие, тут же последняя строка обрывается после первой стопы.

Толпою нашею окружена,
 Приятным, сладким голосом, бывало,
 С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
 И очи светлые, как небеса.
 Но я вникал в ее беседы мало.
 <...>
 И часто я украдкой убегал
 В великолепный мрак чужого сада,
 Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [тений] прохлада;
 Я предавал мечтам свой юный ум,
 И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум <...>⁴⁶

Оба поэта обращаются к воспоминаниям раннего детства, возникают образы школы, шумных и веселых детей, строгой дамы, управлявшей школой, упоминается смущение, которое она вызывала у мальчика, ее укоры. Затем у Уайта говорится о бегстве от веселья, шума и радостных детских игр к сельским теням, к ручейку, у Пушкина — о бегстве от величавой жены в сад, тоже к теням и водам. Убежав, герой Пушкина предается мечтам и «праздномыслит», Уайта — читает и парит на крыльях воображения. При этом в соответствии с общими принципами своих поэтических переработок⁴⁷ Пушкин радикально сокращает Уайта, отбрасывая все многословные пассажи, а также детали, указывающие на конкретный исторический, национальный и социальный колорит (в частности, исчезают все элементы простой деревенской жизни). 159 строк источника превращаются примерно в шесть терцин, но общая структура отрывка и ключевые детали сохранены.

Конкретная словесная ткань поэмы Уайта тоже отражается в пушкинском тексте. Особенно близки текстуально описание уайтовской учительницы из пятого стихотворного абзаца и пушкинской «жены»:

The village *matron* kept her little *school*,
 Gentle of heart, yet *knowing well to rule*;
Staid was the dame, and *modest* was her *mien*;
 Her garb was *coarse*, yet whole, and nicely clean... (p. 1)

(курсив мой. — А. Б.; пер.: «Деревенская дама держала маленькую школу, / Будучи кроткой сердцем, она тем не менее хорошо умела управлять; / Дама была степенна, ее облик был скромн; / Ее одежда была грубой, но целой и безукоризненно опрятной»).

⁴⁶ Пушкин А. С. В начале жизни школу помню я... // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 254–255. Далее критический текст пушкинского наброска цитируется по данному изданию без дополнительных указаний.

⁴⁷ Ср. как А. А. Долинин описывает пушкинскую редактуру «Города чумы» Вильсона: «...он избавлялся от нелепостей и излишеств дурного романтического стиля — от пышных перифрастических оборотов, — излишне цветистых, или, наоборот, стертых эпитетов, тавтологий...» (Долинин А. Пушкин и Англия. С. 39–40). О переводческой технике Пушкина см.: Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4–5. С. 324–327. М. Л. Гаспаров назвал переводческую манеру Пушкина «конспективным стилем» (Гаспаров М. Л. Перевод Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 28).

Ср. у Пушкина:

Смиренная, одетая убого,
Но видом величаясь жена
Над школою надзор хранила строго.

Пушкин облагораживает образ школьной дамы, но сохраняет основные элементы ее описания. Особенно важной представляется близость строк «Смиренная, одетая убого, / но видом величаясь жена» (ср. также черновой вариант «одетая стыдливо и убого»⁴⁸ из рукописи ПД 142) и «Staid was the dame, and modest was her mien; / Her garb was coarse, yet whole, and nicely clean...». Наряд учительницы Уайта скромнен и убог, как и наряд пушкинской «величавой жены». Словарь языка Пушкина трактует «убогий» как «крайне бедный, нищий, нищенский».⁴⁹ Эта обращающая на себя внимание характеристика оставалась совершенно непроясненной при попытках сближения пушкинского образа с дантовской Беатриче,⁵⁰ Знаменской иконой Божьей Матери из Царскосельского храма⁵¹ или даже императрицей Елизаветой Алексеевной.⁵² Беатриче в «Чистилище» является Данту в великолепном облачении,⁵³ не пододит нищенский наряд ни Богоматери, ни монаршей особе.

Строгость учительницы не упоминается в строках Уайта, процитированных выше, но чуть дальше, в шестом стихотворном абзаце поэмы, лирический герой сообщает, что считал учительницу строгой («Severe I thought the dame»; p. 1), и вспоминает ее жестокие упреки («And oft, when harshly she reproved, I wept»; p. 1). Описывая учительницу, Уайт упоминает ее чепчик и глаза, Пушкин же — «чела покрывало» и «очи светлые, как небеса». Детали преобразуются, но структура описания сохраняется (головной убор, глаза). Кроме того, в восьмой строфе Уайт называет учительницу «venerable matron» (p. 1), «почтенной женой».

Укажем на ряд других параллелей. Строке «В начале жизни школу помню я» функционально соответствуют первые две строки поэмы Уайта, также сразу вводящие тему воспоминания: «Pictured in memory's mellowing glass, how sweet / Our infant days, our infant joys, to greet!» (p. 1; пер.: «Запечатленные в зеркале памяти, как сладко приветствовать наши детские дни, наши детские радости!»). Можно вспомнить и строки ранней редакции пушкинского отрывка (ПД 144): «Уж плохо служит память мне моя / Ткань ветхая, протершаясь <?> убого».⁵⁴ Здесь, в ключевом месте поэтической структуры, появляется единая тема, выраженная близкими риторическими средствами: и у Уайта, и у Пушкина память уподоблена предмету — зеркалу и истершейся ткани соответственно.

Строкам «Там нас, детей беспечных, было много; / Неровная и резвая семья» тематически соответствует строфа 10 и конкретно стихи «What clamorous throngs, what happy groupes were seen, / In various postures scatt'ring o'er the green!» (p. 2; пер.: «Какие шумные толпы, какие счастливые группы виделись / Разбросанные в разных положениях по траве!»).

⁴⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. С. 866.

⁴⁹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 647.

⁵⁰ Розанов М. Н. Пушкин и Данте. С. 21–22.

⁵¹ Васильев Б. А. Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 186–193.

⁵² Аринштейн Л. М. «Елисавету втайне пел...» // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 3. С. 216–227.

⁵³ Ср.: «donna m'apparve, sotto verde manto / vestita di color di fiamma viva» (Purg., XXX, 32–33; пер.: «...предо мной явилась донна, под зеленым покрывалом / в платье цвета пылающего огня» (ит.)).

⁵⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 3. Кн. 1. С. 863.

Строки «Толпою нашею окружена, / Приятным, сладким голосом, бывало, / С младенцами беседует она» могут являться контаминацией строф 11 и 12, а именно седьмой строки 11-го строфоиды: «When tir'd with play, we'd set us by her side...» (р. 2; пер.: «Устав от игр, мы сядились около нее» (учительницы)) и строк 3–6 12-го стихотворного абзаца:

Many's the time I've scampered down the glade,
To ask the promis'd ditty from the maid,
Which well she lov'd, as well she knew to sing,
While we around her form'd a little ring <...> (р. 2)

(курсив мой. — А. Б.; перевод: «Часто я стремглав сбегал по поляне / Просить у служанки обещанную песенку, / Она любила и умела петь, / Пока мы сидели вокруг нее маленьким кольцом»).

Образ уайтовской учительницы, по всей видимости, соединяется с образом девушки, певшей детям страшные сказки. И у Пушкина, и у Уайта группа детей окружает женскую фигуру («we around her form'd a little ring», «Толпою нашею окружена»), оба поэта отмечают красоту пения («she knew to sing», «Приятным, сладким голосом»).

Седьмой и восьмой терцинам пушкинского отрывка тематически соответствует последний стихотворный абзац первой части уайтовской поэмы:

Far from the scene of gaiety and noise,
Far, far from turbulent and empty joys,
I hid me to the thick o'er arching shade,
And there, on mossy carpet listless laid,
While at my feet the rippling runnel ran,
The days of wild romance antique I'd scan;
Soar on the wings of fancy thro' the air,
To realms of light, and pierce the radiance there. (р. 2)

(курсив мой. — А. Б.; пер.: «Дальше от сцены веселья и шума, / Дальше, дальше от бурных и пустых радостей, / Я спешил к густой сводчатой тени, / И там вяло ложился на моховой ковер, / Пока у моих ног бежал журчащий ручеек, / Дни старинных диких преданий я <в памяти> перебирал; / Парил на крыльях воображения по воздуху, / В царства света, и рассекал сияние там»).

Ср. у Пушкина:

И часто я украдкой *убегал*
В великолепный *мрак* чужого сада,
Под *свод* искусственный порфирных скал.

Там нежила меня *тень* прохлада;
Я *предавал мечтам* свой юный ум,
И *праздномыслить* было мне отрада.

Любил я светлых *вод* и листьев *шум*...
(курсив мой. — А. Б.)

У Уайта мальчик убегает от веселых, но пустых детских игр к густой сводчатой тени («thick o'er arching shade»), к журчащему ручейку («rippling runnel») и в уединении на лоне природы предается мечтам («Soar on the wings of fancy»). Лирический герой Пушкина убегает от величавой жены

в тенистый сад, под «свод» скал, чтобы «предаваться мечтам» и «праздно-мыслить».

Тема школьных лет как часть важной романтической темы детства активно разрабатывалась английскими поэтами конца XVIII — начала XIX века. Амедей Пишо в краткой биографии Уайта, помещенной в книге «Living Poets of England», указывал на один из образцов, использованных поэтом: «Его поэма, озаглавленная „Детство“, сложенная в возрасте 13 лет, представляет не одну изящную картину, которой мог бы позавидовать Голдсмит. Портрет его старой школьной учительницы — аналог портрета школьного учителя из „Покинутой деревни“». ⁵⁵ Современные комментаторы уайтовской поэмы называют ряд текстов, послуживших ее образцами: это «Il Penseroso» Мильтона, «Pleasures of Melancholy» Уортон (Warton), «School-Mistress» Шенстона, «Eton College Ode» Грея и «The Deserted Village» Голдсмита. ⁵⁶ Просмотр двух томов второстепенных английских романтических поэтов, изданных Галиньяни, также позволяет обнаружить образы, связанные с темой школы и детства, у Роджерса, Монтгомери, Лэма, Боулза и Вильсона. Но ни в одном из всех названных произведений и ни у одного из поэтов тема школы не разрабатывается так, как у Уайта и Пушкина: ни в том, что касается структуры изложения, ни в области конкретных образов, мотивов и словесных формул. ⁵⁷

Думается, неслучайно само слово «школа» в значении «учебное заведение для детей» встречается в поэзии Пушкина лишь дважды — в рассматриваемом наброске и песне Мери из «Пира во время чумы». Это совпадение дополнительно указывает на возможность «английского» происхождения школы.

Тот факт, что «Детство» Уайта представляет собой незавершенную поэму, состоящую из двух очевидно фрагментарных частей (повторим, что первая часть заканчивается отточием, а вторая вообще обрывается на полуслове, в начале строки), позволяет предполагать, что и пушкинские терцины задумывались как отрывок.

Уайтовская поэма, однако, не объясняет целого ряда элементов пушкинского текста. Пушкин пишет свой отрывок пятистопным ямбом — размером уайтовской поэмы, но не копирует его строфику. Изучение рукописей «В начале жизни школу помню я...» показывает, что Пушкин не сразу принял за терцину. Исследователи заметили, что первоначально отрывок начинался октавой («...одновременно с „Домиком в Коломне“ он начинает набрасывать октавой самостоятельное стихотворение, в котором затем меняет строфу на терцины»). ⁵⁸ Октава, в этот момент бывшая для Пушкина столь же или скорее «английской», чем «итальянской», вполне могла выступить эквивалентом уайтовских свободных строф (две из них содержат по восемь строк), но «переход» на терцины объяснить связью с Уайтом невозможно. Также вызывают вопросы детали образа «величавой жены», сообщаемые в терцинах 4–6 (он далеко не совпадает с простой старушкой Уайта), и все последующее темати-

⁵⁵ [Pichot A.]. Living Poets of England. Т. 2. P. 531.

⁵⁶ [Radcliffe D. H.]. [Commentary on:] H. K. White. Childhood: a Poem // Radcliffe D. H. Spenser and the Tradition: English Poetry 1579–1830. <http://spenserians.cath.vt.edu/TextRecord.php?action=GET&textsid=37128> (дата обращения: 25.04.2022).

⁵⁷ А. А. Долинин, выступая в 2008 году на Эткиндовских чтениях, рассказывал, что еще в молодости предположил существование английского источника «В начале жизни школу помню я...» и с тех пор безуспешно пытался его найти (Мильчина В. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019. С. 476). Как сообщил мне А. А. Долинин в электронном письме от 19 июня 2021 года, «никто из пушкинистов <...> не верил, М. Л. Гаспаров сомневался».

⁵⁸ Вацуро В. Э. Пушкин и Данте. С. 386.

ческое развитие фрагмента (темы сада и таинственных кумиров). Вопросы семантики поэтических форм были слишком важны для Пушкина, чтобы предполагать в выборе строфы простую случайность.⁵⁹

Песня Вальсингама и «Зимняя песня» Уайта

Маленькая трагедия «Пир во время чумы», как известно, представляет собой перевод отрывка из драматической поэмы Джона Вильсона «Город чумы» («The City of the Plague»). Новейшие комментаторы пушкинского произведения так описывают отношение «Пира» к своему основному источнику: «Первоисточником „Пира во время чумы“ явилась большая часть (первые 334 из 421-го стиха) 4-й сцены I акта „Города чумы“. Отношение пушкинского текста к оригиналу в общем виде можно определить как сокращенный перевод с подвижной степенью точности, в который вставлены два фрагмента — песня Мери и гимн чуме Вальсингама, написанные Пушкиным почти без опоры на английский источник».⁶⁰

Действительно, если переработка большей части оригинала носила преимущественно композиционный характер,⁶¹ то в песнях Пушкин отказался следовать за текстом Вильсона и достиг, по единодушному мнению критики, выдающегося художественного результата:⁶² именно песни составили новый художественный каркас драматической сцены, радикально реорганизовав семантическое пространство пушкинской маленькой трагедии по сравнению с вильсоновским оригиналом.

Гимн Председателя, особенно его последние строфы, стал одним из самых обсуждаемых пушкинских текстов и получил за почти два столетия «целый веер разноречивых интерпретаций».⁶³ Наряду с прочтениями, обнаруживающими философские подтексты гимна и источники выраженного в нем мировоззрения, предпринимались попытки предложить и непосредственные

⁵⁹ Вопрос выбора поэтической формы терцины может отчасти прояснить сопоставление «В начале жизни школу помню я...» с некоторыми мотивами поэзии Сент-Бева. Этой теме я надеюсь посвятить отдельную работу.

⁶⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 858 (комм. М. Н. Виролайнен, А. А. Долинина).

⁶¹ См., например: *Terras V. Puškin's «Feast during the Plague» and its original: A structural confrontation // Alexander Puškin: A symposium on the 175th anniversary of his birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976. P. 209.*

⁶² См., например: «У Вильсона эти песни играют второстепенную роль, даны в качестве внешних аксессуаров пира и, хотя обе они на тему о чуме, никак не связаны с фабулой пьесы. Наоборот, у Пушкина песни Мери и председателя являются наиболее яркими и внутренне значительными, а потому особенно волнующими местами всей сцены пира, представляют собой как бы две кульминационные точки, два центра, вокруг которых располагается весь остальной материал» (*Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 170*); «Пересматривая глазами взыскательного художника наиболее яркую часть драматической поэмы Вильсона „Город чумы“ (4-ю сцену 1-го акта), Пушкин не только внес мелкие „исправления“, но и заменил песни, находившиеся в этой части, песнями собственного сочинения. Эти песни обладали такой силой, что трагедия как бы отделилась от своего источника и вошла в сознание читателей именно как пушкинское, притом гениальное произведение» (*Фридман Н. В. Песня Мери // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1974. Т. 33. № 3. С. 242*). Знамениты слова Марины Цветаевой, писавшей: «Что у нас остается (в ушах и в душах) от Пира? Две песни. Песня Мери — и песня Вальсингама» (*Цветаева М. Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. А. Саакянц, М., 1988. Т. 2. С. 379*).

⁶³ Долинин А. Пушкин и Англия. С. 112. В главе книги, посвященной «Пиру» (с. 103–129), помимо авторского прочтения представлен краткий обзор других трактовок гимна (с. 112–113), там же см. библиографию; укажем также недавнюю работу О. А. Проскурина (*Proskurin O. «И бездны мрачной на краю» // A/Z: essays in honor of Alexander Zholkovsky / Ed. by D. Ioffe, M. Levitt, J. Peschio, I. Pilshchikov. Boston, 2018. P. 447–464*).

литературные параллели: в частности, гимн соотносили с «песней Вайделота» из «Конрада Валленрода» (1828) Адама Мицкевича с ее образом олицетворенной Чумы, наступающей на Литву.⁶⁴

Среди произведений Уайта, напечатанных в томе Галиньяни, обнаруживается еще один возможный прототекст гимна Председателя: это стихотворение «Зимняя песня» («Winter song»).

Песня Вальсингама в «Городе чумы» Вильсона построена на серии сравнений: чума последовательно сопоставляется с другими смертельными опасностями. Пушкин обращается к отчасти схожей конструкции, основанной на параллелизме: сравниваются чума и зима. Сравнение поддержано созвучием двух слов (случай паронимической аттракции): оба они женского рода, двусложны, несут ударение на финальном слоге, который в этих двух словах совпадает (*чума / зима*).

Однако если задуматься о смысловой стороне сопоставления, нельзя не заметить, что зима с трудом может служить аналогом вильсоновских болезней и битв, ведь она не несет смерти сама по себе. Таким образом, Пушкин вводит не только знаменитый мотив «упоения опасностью», отсутствующий у Вильсона,⁶⁵ зимняя тема также возникает без опоры на английский оригинал.⁶⁶ Отмечалась еще одна особенность гимна: «...Председатель в сочиненном накануне гимне поет не прямо о себе и своих друзьях: их пир происходит при дневном антураже, на улице; в гимне же он развертывается при огнях, в закрытом помещении...».⁶⁷

Названные детали пушкинского текста, не имеющие соответствия у Вильсона, — антураж песни и образ олицетворенной зимы, — могли быть заимствованы поэтом из стихотворения Генри Керка Уайта «Winter song».⁶⁸ Вот строки первых двух строф этого текста и их подстрочный перевод (курсивом выделены слова, имеющие прямое соответствие в пушкинском гимне):

Rouse the blazing midnight fire,
Heap the *crackling* faggots higher;

⁶⁴ Асеев Н. Переводы из Адама Мицкевича. Заметки переводчика // Новый мир. 1946. № 1–2. С. 150–153. Указывалось также на «известное сходство в тоне» гимна с песней Барри Корнуолла «King Death» (Михайлов М. Л. Драматические сцены Барри Корнуолла // Русское слово. 1860. № 3. С. 215; Яковлев Н. В. Об источниках «Пира во время чумы» (Материалы и наблюдения) // Пушкинист. М.; Пг., 1922. Т. 4. Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. С. 131–132). Сходство крайне отдаленно, кроме того, как указал уже Н. В. Яковлев, у нас нет никаких сведений о знакомстве Пушкина с этим текстом Корнуолла, не включенным в «книгу четырех поэтов» Галиньяни.

⁶⁵ Анализируя смысл вальсингамовской песни из «Города чумы» в ее сравнении с пушкинским гимном, Д. Д. Благой подчеркивал изменение основной идеи: «Вальсингам Вильсона в своей песне, полной романтически приподнятых образов, эффектных олицетворений и метафор, славит чуму за то, что смерть от нее скорее и легче, чем на море во время морского боя или на суше в часы кровопролитного сражения; провозглашает чуму царицей болезней, ибо она, в противоположность лихорадке, чахотке, даже параличу, убивает свои жертвы наверняка; наконец, восхваляет ее за то, что она срывает покровы со всяческого лицемерия <...> Но в песне вильсоновского Вальсингама совсем нет мотива упоения опасностью, всем тем, что „гибелью грозит“, безбоязненного стремления померяться с этими силами, противопоставить этому бесстрашию „сердца смертного“ — человеческого духа. Наоборот, именно этот-то мотив и составляет пафос „гимна в честь чумы“ председателя пира у Пушкина...» (Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. С. 172–173).

⁶⁶ Во всем оригинальном отрывке зима упомянута лишь единожды — в песне Мери: «...when winter is over», в песне Вальсингама один раз упомянут снег, в составе сравнения: «Descending fast, as flakes of snow», в словах хора звучит прилагательное «snow-white».

⁶⁷ Фридман Н. В. Песня Мери. С. 251.

⁶⁸ Сам факт того, что стихотворение Уайта названо «песней», мог обратить на себя внимание Пушкина, пересоздавшего песни из Вильсоновской сцены. Размер «Winter song», четырехстопный хорей, совпадает с размером песни Мери.

Stern December reigns without,
With old Winter's blust'ring rout.

Let the jocund timbrels sound,
Push the jolly goblet round;
Care avaunt, with all thy crew,
Goblins dire and devils blue.⁶⁹

(пер.: «Взвейте пылающий полуночный огонь, / Сложите трескучий хворост повыше; / Суровый Декабрь царит снаружи / С бушующей свитой старой Зимы. / Пусть звучат радостные бубны, / Пустите веселый кубок по кругу; / Забота, прочь! — со всей твоей шайкой, / Ужасными гоблинами и синими чертями»).

Первые две строфы песни Уайта соотносятся с первой и третьей строфами гимна Вальсингама:

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов,
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

<...>

Как от проказницы Зимы,
Запремся так же от Чумы,
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.⁷⁰

Строки Уайта «Stern December reigns without, / With old Winter's blust'ring rout» и «Care avaunt, with all thy crew, / Goblins and devils blue» параллельны строкам, описывающим олицетворенную Зиму, наступающую со своим войском: «Когда могущая Зима, / Как бодрый вождь, ведет сама / На нас косматые дружины / Своих морозов и снегов». Пушкинские дружины соответствуют уайтовским «rout» 'шумная толпа, сборище, сброд, чернь, свита' и «crew» (с тем же значением), от гоблинов и чертей остается «косматость», совпадает сама идея морозного войска.

Можно предполагать, что Пушкин превращает полчища нечисти (гоблины и черти) в метафору («косматые дружины морозов и снегов»), сообразуя диковатый романтизм Уайта с требованиями собственного поэтического вкуса. Пушкинские строки «Навстречу ей трещат каминь» параллельны уайтовским «Hear the crackling faggots higher», с глаголом «to crack» 'трещать', а призыв «Зажжем огни, нальем бокалы» схож по своей грамматической структуре и семантике со строками «Rouse the blazing midnight fire» и «Push the jolly goblet round».

Уайтовский претекст угадывается и в черновых вариантах первых строк: «Несколько раз переделывается Пушкиным уже самое начало гимна: „Когда могущая зима, Как бодрый вождь, ведет сама“. Вторую строку Пушкин сперва начинает: „Как старьй вождь“, затем последовательно переделывает:

⁶⁹ The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White... P. 5 (5-я паг.). Как видно, стихотворение начинается на пятой странице, в то время как поэма «Детство» помещена на страницах 1–4.

⁷⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 171. Курсив мой. — А. Б.

„Как старьй царь зовет“, „Как старьй царь ведет“ и, наконец, дает окончательное чтение». ⁷¹ Возможно, эпитет «старый», от которого Пушкин затем отказался, заменив его на «бодрый», был задан английским текстом («With old Winter's blust'ring rout»). Слово «царь» из черногового варианта могло быть подсказано глаголом «to reign» ‘царить, царствовать’.

Уайт в своей песне призывает посильнее разжечь трескучий огонь и пировать, не обращая внимания на суровую Зиму с ее полчищами. Пушкин, вспоминая зимние пиры, призывает пировать и пред лицом смертельной Чумы.

Два уайтовских мотива, совпадающих с гимном в честь Чумы, — зимнего пира в уютном отъединенном пространстве и олицетворенной Зимы — разрабатывались Пушкиным и раньше его вероятного знакомства с Уайтом. ⁷² Первый является топосом, ведущим свою историю еще с античности (например, у Горация, *Serm. I, IX*), и часто встречается у Пушкина. ⁷³ Второй же отчасти перекликается с описанием начала зимы в седьмой главе «Евгения Онегина» (1827–1828; «...и вот сама / Идет волшебница зима»; ср. также «проказы матушки-зимы» этого фрагмента с «проказницей Зимой» гимна). Предполагаемая параллель с Уайтом интересна не наличием рассматриваемых мотивов как таковых, а именно их соединением в одном контексте, а также наличием совпадающих текстуальных деталей.

Следующие пять строф уайтовской «Зимней песни» уже не обнаруживают текстуальных сближений с пушкинским гимном Чуме:

Hark! without the tempest growls:
And the affrighted watch-dog howls;
Witches on their broomsticks sail,
Death upon the whistling gale.

Heap the crackling faggots higher,
Draw your easy chairs still nigher;
And to guard from wizards hoar,
Nail the horse-shoe on the door.

Now repeat the freezing story,
Of the murder'd traveller gory.
Found beneath the yew-tree sear,
Cut, his throat, from ear to ear.

Tell, too, how his ghost, all bloody,
Frighten'd once a neighb'ring goody;
And how, still at twelve he stalks,
Groaning o'er the wild-wood walks.

Then, when fear usurps her sway,
Let us creep to bed away;
Each for ghosts, but little bolder,
Fearfully peeping o'er his shoulder. ⁷⁴

⁷¹ *Благой Д. Д.* Автограф «Пира во время чумы» // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. науч.-исследовательских работ. М.; Л., 1941. С. 20. Варианты см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 7. С. 416.

⁷² Я благодарю А. С. Бодрову, указавшую мне на этот аспект темы.

⁷³ См., например, «Зимний вечер» и вступление к «Медному Всаднику».

⁷⁴ *The Poetical Works of Rogers, Campbell, J. Montgomery, Lamb, and Kirke White.* P. 6; 5-я паг. Пер.: «Чу! Снаружи рычит буря / И воет испуганная сторожевая собака; / Ведьмы плывут на метлах, / Смерть — на свистящем вихре. // Сложите повыше трескучий хворост, / Сдвиньте еще теснее кресла, / И для защиты от колдунской изморози // Прибейте подкову к двери. //

Вторая строфа гимна Вальсингама никак не связана с текстом Уайта,⁷⁵ если не считать образа олицетворенной враждебной силы, наступающей на людей: Пушкин здесь увязывает текст-источник с основной темой маленькой трагедии и с Вильсоном. Так же и знаменитые четвертая и пятая строфы, философский центр гимна, не имеют аналога в «Winter song». Д. Д. Благой, анализируя рукопись «Пира...», указывает, что начиная с 4-й строфы почерк Пушкина меняется: «Судя по характеру почерка, Пушкин перебелил „Пир“, не отрываясь и без всяких сколько-нибудь значительных остановок до самого начала „Гимна чуме“. Первая строка гимна написана тем же широким „беловым“ почерком, как и все предшествующие ему строки. Однако после первой строки картина резко меняется: Пушкин на какой-то промежуток времени остановился, творчески задумался; когда он снова начинает писать, почерк приобретает и другой наклон, и более нервный, торопливый, „черновой“ характер <...>. Со второй строфы гимна почерк снова становится „беловым“, и так идет до начала четвертой строфы — до строки „Есть упоение в бою“ включительно. Затем новый резкий слом почерка, при котором пятая — наиболее знаменитая — строфа приобретает вид типичного черновика с поспешными зачеркиваниями, стремительными заменами одного слова другим, с большим количеством разночтений...».⁷⁶

Можно предполагать, что Пушкин, не удовлетворенный текстом песни у Вильсона, воспользовался «Зимней песней» Уайта как материалом для гимна Вальсингама. Уайтовский мотив «радостного пира в окружении враждебных сил стихий» мог стать той точкой, оттолкнувшись от которой Пушкин приходит к одному из своих тематических лейтмотивов, или инвариантов — «упоению гибельной опасностью».⁷⁷ Как уже было сказано выше, анализу этой важнейшей пушкинской темы посвящена обширная библиография. Если «Зимняя песня», в соответствии с моим предположением, является одним из источников гимна Вальсингама, ее обнаружение в очередной раз обнажает перед нами один из постоянных механизмов творческой работы поэта, строящейся на отталкивании от разнообразного материала и приспособлении его под свои «поэтические нужды».

А. А. Долинин так писал об особенностях пушкинской рецепции английских авторов: «...непосредственное знакомство Пушкина с английской литературой в 1830-е годы имеет значительные творческие последствия только в тех случаях, когда он использует ее как источник новых тем и сюжетов,

---

Теперь повторите ледящую историю, / Об окровавленном убиенном путнике, / Найденном под чахлым тисом, / С горлом, перерезанным от уха до уха. // Расскажите также, как его призрак, весь в крови, / Напугал как-то соседскую хозяйку; / И как он все еще крадется в полночь, / Стеная над лесными тропами. // Затем, когда страх установит свою власть, / Уползете в кровать, / Каждый <из нас>, не <становясь> смелее, призраков / Боязливо высматривая через плечо» (англ.).

⁷⁵ При этом она особенно сближается с «песней Вайделота» из «Конрада Валленрода» (1828) Адама Мицкевича (см. выше).

⁷⁶ Благой Д. Д. Автограф «Пира во время чумы». С. 19–20. Н. В. Перцов не вполне согласен с интерпретацией Д. Д. Благого: «Гимн Чуме дан на 7-й, 8-й и 9-й страницах этого автографа (лл. 4–4 об.), там в первой строфе совсем нет „крутого“ сгущения поправок, каковое усматривает Благой. <...> вот на 8-й странице в 5-й — предпоследней — строфе («Все все что гибелью грозит <...>») правка, действительно, крутая — тут Благой прав. Однако в самой потрясающей 4-й строфе («Есть упоение в бою <...>») <...> правки практически нет — только в предпоследней строке» (сообщено в электронном письме от 4 ноября 2020 года). Соглашаясь с Н. В. Перцовым в том, что касается интерпретации характера правки, я в то же время солидаризуюсь с Благой в том, что касается изменения почерка в строфах 4-й и 5-й: они написаны с иным наклоном и выделяются на фоне окружающего текста.

⁷⁷ Жолковский А. К. Инварианты Пушкина // Труды по знаковым системам XI. Тарту, 1979. С. 17 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 467).

подхватываемых и развиваемых в диалоге-соревновании с оригиналом. Подобная стратегия отчетливо прослеживается во всех поздних стихотворениях Пушкина, которые, как давно установили исследователи, восходят к английским источникам». ⁷⁸ Это утверждение оказывается верным и для возможного пушкинского диалога с поэзией Г. К. Уайта.

Как в случае «В начале жизни школу помню я...», так и в случае гимна Председателя, образы, вероятно подсказанные уайтовской поэзией, были использованы Пушкиным для создания произведений, глубоко связанных с магистральными темами собственного творчества. В «Пире во время чумы» Пушкин отталкивается от образов «Зимней песни» Уайта и приходит к блестящей поэтической разработке темы «упоеания гибельной опасностью», инвариантной для его поэзии. Подобным образом в отрывке «В начале жизни школу помню я...» Пушкин, заимствуя из поэмы Уайта идею романтического повествования о раннем детстве, переходит к разработке целого ряда ключевых для его лирики мотивов, в частности мотива статуи, ⁷⁹ Лицея и изоморфных мотивов «любовных страстей» и «поэтического творчества». ⁸⁰

В то же время нельзя не отметить пунктуальную работу поэта с английским источником. Заимствуется не только общий антураж, образы и композиционные элементы, но и конкретные словесные формулы: это дает основание предполагать, что Пушкин достаточно внимательно прочел Уайта.

Установление неизвестных прежде источников «В начале жизни школу помню я...» и гимна в честь Чумы позволяет в очередной раз постулировать один из конституирующих принципов творческой работы Пушкина; он заключается в отталкивании от источника и «улучшении» заимствованного, очищении его от лишнего, переработке и встраивании в свой поэтический мир («систему инвариантных мотивов, характеризующих тексты одного автора», ⁸¹ по определению А. К. Жолковского). В довершение находка ставит перед пушкинистикой новые вопросы, в частности, указывает на необходимость новой интерпретации загадочного (псевдо?) дантовского наброска в терцинах. Не исключено, что дальнейшее изучение «книги пяти поэтов» издательства Галиньяни позволит предложить и другие литературные параллели к пушкинским произведениям 1830-х годов. ⁸²

⁷⁸ Долинин А. Пушкин и Англия. С. 42.

⁷⁹ См.: Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.

⁸⁰ Жолковский А. К. Инварианты Пушкина. С. 22.

⁸¹ Там же. С. 3.

⁸² В частности, заслуживает внимания тема «ночной поэзии» в стихотворениях Уайта и Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»). Мотив ночного творческого бодрствования не раз возникает в очерке Саути о жизни Уайта, сам поэт делает к своим стихам помету «written at midnight», и именно этот аспект жизни Уайта подчеркнут в описании жизни Жозефа Делорма.